

СТРАХ НЕИЗВЕСТНОСТИ, ПРОГНОЗЫ ИЛИ, МОЖЕТ БЫТЬ, ПРАВИЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И МЫШЛЕНИЕ?

В.М. РОЗИН

Что мы подразумеваем, говоря о российской цивилизации? Русскую культуру, ведь одно из значений понятия «цивилизация» совпадает со значением понятия «культура»? Стадию развития, «качественный этап в истории общества, характеризующийся определенным уровнем становления самого человека, технологической и экономической базы общества, социально-политических отношений и духовного мира»? «Некое единство, противостоящее тому, что цивилизацией не является», и тогда цивилизации не сводятся к закономерностям функционирования государств, наций, социальных групп? Нравственный критерий развития культуры (как говорил Мирабо, «цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели») или напротив, цивилизацию понимают как «смерть духа культуры»: «Цивилизация пытается осуществить жизнь», реализуя «культ жизни вне ее смысла, подменяя цель жизни средствами жизни, орудиями жизни» (Н. Бердяев)¹?

Если мы применим эти различия и представления к российскому материалу и феномену, то получим идеальное построение, которым весьма трудно пользоваться. Думаю, что им и не пользуются, а чем же тогда? Вероятно, отдельными характеристиками и образами, причем часто, к сожалению разными, противоречивыми. Это одна трудность. Другая — неразличение знаний, схем, наших желаний или страхов. Одно дело знания (исторические или прогностические), их получение и использование предполагает дисциплинарное мышление и соответствующие процедуры контроля. Другое — различные схемы, позволяющие нам *задать явление и действовать*, но не позволяющие *строить прогнозы или реалистические программы социальных действий*. И третий случай — представления в форме знаний, отражающих, прежде всего, наши ожидания или страхи. Взглянем с этой точки зрения на два интересных нарратива, появившихся практически одновременно.

(Из передачи Юлии Латыниной «Код доступа» на «Эхо Москвы» 26 декабря 2009 г.):

«...У меня остается буквально минута в этом году. Я хотела бы закончить оптимистично. Оптимистично я хотела бы сказать следующее. В истории все удивительно переменчиво. Я, наверное, об этом в следующий раз поговорю. В истории белое оборачивается черным и черное оборачивается белым. В истории распад

Римской империи обернулся возникновением свободы. А появление протестантизма, когда люди резали друг друга, обернулось возникновением протестантской этики.

У меня есть полное ощущение, что не важно, кто сейчас правит Россией. Вот так не повезло России. Сначала ей 70 лет правили палачи. Палачи, которые уничтожили российский народ, палачи, которые уничтожили российскую экологию, превратили наши города в смесь бараков и промзоны, палачи, которые превратили российскую экономику в экономику, которая производит либо танки, либо сталь для танков. Потом ей стали править ничтожества. Но Россия, слава Богу, слишком большая страна, чтобы помереть от перхоти. Россия обречена быть свободной, потому что другого пути у мира, кроме свободы, нет. А Россия слишком большая страна, чтобы исчезнуть с карты, как какая-нибудь Намибия или Нигерия, если Нигерия не будет свободной. И то историческое время, в которое мы с вами живем, на самом деле в исторической перспективе является исчезающе малым. Я верю, что нулевые года обязательно закончатся, Россия выйдет из нулевых годов и из нулевых правителей. Всего лучшего. С Новым годом»².

(Из статьи Юрия Пивоварова «Истоки и смысл русской революции»)

«Русский XX век стал результатом напрочь проигранной Революции. Поражение потерпели все: народ, интеллигенция, священство, элиты и пр. К сожалению, русское общество не хочет этого понимать. Оно закрывается от этого исторического дефолта «победой в войне», «космосом», «индустриализацией», «второй великой державой» и тому подобным. Я не хочу вступать в дискуссию с этими «победителями», но более античеловеческого, немилосердного и губительного для собственного народа социального порядка в новой истории припомнить не могу. В России в ушедшем столетии произошла **антропологическая катастрофа**. И это делает все эти «комосы» ничем...мне и горько, и страшно от того, что «причины продолжают действовать», «чары прошлого не развенчаны», а «сознание вины не колет как жало». Это означает: **большевистская революция продолжается**»³.

Хотя по форме текст Латыниной напоминает прогноз («Россия не исчезнет, нулевые года и правители закончатся»), по сути, это, действительно, вера и сплошные эмоции, построенные, однако, на правдоподобной схеме, рисующей страшную, но, похоже, верную картину. Пивоваров свою схему исторического дефолта и антропологической катастрофы создает, исходя из культурно-исторического исследования, но и здесь прогноз о продолжающейся большевистской революции предложен, скорее, как схе-

ма. В обоих случаях построенные схемы ярко выражают отношение и чаяния их авторов, но не могут выступать как модели того, что реально происходило в России. Здесь, правда, встает принципиальный вопрос, а можем ли мы вообще построить научные модели исторических трансформаций российской цивилизации, учитывая сложность самого феномена (российской культуры и цивилизации), а также несовершенство наших познавательных инструментов? Думаю, что нет, хотя правдоподобные схемы происходящего мы создать можем и должны создавать.

Мы не можем создавать научные модели также и в силу переходности эпохи.

«По-видимому, — пишет С.С. Неретина, — формы переходности в чем-то похожи друг на друга, и неинституциональность знания, и его современная откровенность, переданная через Интернет и переданная вроде бы с авторскими ссылками, это знание, неведь кем фрагментированное и реферированное, напоминает старый гносис... в то же время гносис определялся не как неведущее знание, а как сверхъестественное ведение, что вело, как, впрочем, и сейчас, к созданию новой мифологии, к ломке языка, потому что из него выскользнула старая реальность, а новая еще не опознана, отчего познание не может быть определяющим, скорее его можно назвать переживающим»⁴.

В ситуации перехода и противоположных тенденций нельзя с полной уверенностью предсказать, с чем мы имеем дело в настоящее время, какая тенденция победит. Тем не менее, мы, конечно, можем, строя схемы, предполагать, куда идут социальные изменения или, другой вариант, поддерживать определенные тенденции в силу наших предпочтений и ценностей. Иначе говоря, с одной стороны, нужно принимать многообразие социальных практик, создавая условия для их нормальной жизни и коммуникации, но, с другой стороны, каждый из нас (в качестве социального субъекта) может способствовать развитию вполне определенной тенденции, работать не на все системы, а на определенную, блокировать одни социальные тенденции и конституировать другие.

Проблема заключается и в том, что цивилизация, как объект изучения — это вид социальной природы, имеющей свою специфику. В «социальную природу» *делает вклад сам человек, его деятельность и проекты*, но то, что складывается в результате его усилий, часто уже *мало от него зависит, живет по своим законам* (вспомним идею «поставы» М. Хайдеггера). Социальная природа — это «кентавр-система», т.е. *искусственно-естественный феномен*. Кроме того, социальная реальность представляет собой особую форму жизни: социальные образования (государства, ин-

ституты, сообщества, корпорации и пр.) могут быть рассмотрены как организмы и популяции в среде, ведущие борьбу друг с другом за существование.

Но если социальная природа включает в себя деятельность самого человека, то становится понятным, почему удастся создавать «практики вменения» (идеология, пиар и пр.), а также почему социальные теории периодически «салятся» на миллионы людей. Связано это также с семиотической природой человека, который выстраивает свое поведение на основе знаний и схем⁵. Ведь социальная теория — это знание не о внешней для человека реальности, а о нем самом, о его отношениях с другими, об условиях его бытия. Доверяя другим людям, подтверждая собственную жизнь в их жизни (феномен идентификации), человек часто принимает и социальные схемы, предлагаемые и внушаемые социальными учеными и технологами.

Если социальная природа — форма социальной жизни, то становится понятным многообразие видов социальности, их изменение и развитие, а также почему рано или поздно одни виды социальности вытесняются другими, более совершенными и жизнеспособными, как это, например, произошло с социализмом большевистского толка, который вынужден был сойти со сцены истории.

Сочетание первой особенности со второй отчасти может объяснить и природу современного кризиса. Говорят о его неожиданности, употребляют даже метафору «мыльный пузырь», возникший непонятно как, сам собой. Но разве он возник сам собой, естественно? Разве кризису не предшествовали вполне ясные и, казалось, научно обоснованные шаги: либерализация экономики, определенная налоговая политика, новые формы кредитования, кредитование рисков и другие социально-экономические действия, которые породили монблан виртуальных денег, нарушили экономический баланс, подорвали доверие потребителя к финансовым и другим экономическим институтам.

Спрашивается, чего же не учли социальные теоретики? Многого. Например, не были продуманы негативные последствия введения новых технологий и финансовых инструментов, не учтена изобретательность граждан, постоянно придумывающих схемы, позволяющие жить не по средствам⁶, не учитывалась роль критики существующей экономической системы, а также изменение сознания потребителей, вплоть до обвальных процессов почти мгновенного распространения недоверия. Маркс не учел одни факторы, а современные экономисты и политики — другие. Правда, заранее эти факторы, как правило, и невозможно учесть, ведь многие из них возникают только после тех или иных

нововведений. Не следует ли из этого обстоятельства вывод: *социальные закономерности, установленные в социальных науках, — это всего лишь гипотетические схемы*. В целом это верно, но с одной поправкой. Такие гипотетические схемы и сценарии становятся настоящими моделями, если удастся создать «практики вменения» этих схем.

Но если мы не можем в настоящее время построить научные модели российской цивилизации (а с точки зрения социальной инженерии только на основе таких моделей возможны обоснованные прогнозы и социальные действия), то какая же стратегия тогда мыслима? Ну, во-первых, все же нужно вести исследования российской культуры и цивилизации, реализуя самые современные и эффективные методы, понимая, что продуктом этих исследований будут не научные модели и теории, наподобие естественно-научных, а схемы, сценарии и другие нарративы. В конце концов, наши практические действия на 90% основываются на схемах, к тому же еще никто не опроверг тезис Паскаля, что лучшая жизнь — это правильное мышление.

Во-вторых, не надо повторять ошибки. Например, решать за других, как им жить, диктуя им критерии и условия правильной жизни.

«В статье “Что такое просвещение?” М. Фуко пишет: «Иначе говоря, эта историческая онтология нас самих должна отказаться от всех проектов, претендующих на глобальность и радикальность. Ведь на опыте известно, что притязания вырваться из современной системы и дать программу нового общества, новой культуры, нового видения мира не приводят ни к чему, кроме возрождения наиболее опасных традиций»⁷.

В другой работе он поясняет этот подход так. «Долгое время так называемый “левый” интеллеktуал брал слово — и право на это за ним признавалось — как тот, кто распоряжается истиной и справедливостью. Его слушали — или он претендовал на то, чтобы его слушали, — как того, кто представляет универсальное. Быть интеллеktуалом — это означало быть немного сознанием всех. Думаю, что здесь имели дело с идеей, перенесенной из марксизма, причем марксизма опошленного... Вот уже многие годы, однако, интеллеktуала больше не просят играть эту роль. Между теорией и практикой установился новый способ связи. Для интеллеktуалов стало привычным работать не в сфере универсального, выступающего-образцом, справедливого-и-истинного-для-всех, но в определенных секторах, в конкретных точках, там, где они оказываются либо в силу условий работы, либо в силу условий жизни (жилье, больница, приют, лаборатория, университет, семейные или сексуальные отношения)»⁸.

Здесь два разных аспекта. Во-первых, наши социальные действия тогда эффективны, когда мы можем *хотя бы отчасти обозревать и контролировать свои действия и их последствия* (поэтому, кстати, сегодня региональные решения часто на порядок эффективнее федеральных). Во-вторых, знания, полученные в наших исследованиях, должны корректироваться в ходе общения и диалога с другими мыслителями и заинтересованными лицами, имеющими другое видение, другое понимание решения тех же самых проблем.

«Быть и стать самим собой — значит включить себя в сети суждения... Мультикультурализм, — пишет С. Бенхабиб, — слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный... Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных собственной внутренней логике данностей несостоятельна... Культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости... Глобальную цивилизацию, в которой примут участие граждане мира, нужно будет взращивать из местных привязанностей; из содержательных культурных споров; из переосмысления “нашей” идентичности; из привычки к демократическому экспериментированию с устройством и переустройством институтов»⁹.

И дело здесь не в просто диалогах и коммуникации, а в том, что в переходные эпохи, когда «выскользнула старая реальность, а новая еще не опознана», *именно в обществе и сообществах аккумулируется и проносится социальная жизнь; здесь же происходит ее трансформация*. В свою очередь, *общество и сообщества* представляют собой, с одной стороны, *живые коллективы* (традиционные или вновь складывающиеся), которые стремятся продолжать и возобновлять жизнь в новых условиях, с другой стороны, это *общение*, где каждый выступает как носитель всей социальности, где вырабатываются судьбоносные решения и складывается новое видение и понимание. Общество имеет два основных режима — *активный и пассивный*. В пассивном режиме «общество спит» в том смысле, что, поскольку социуму ничего не угрожает, общество бездействует, кажется, что такой реальности нет вообще. Но в ситуации кризиса социума, его «заболевания», общество просыпается, становится активным, начинает определять отношение человека культуры к различным социальным реалиям и процессам. Результатом эффективного общения, как правило, является *сдвиг, трансформация* общественного сознания (новое видение и понимание, другое состояние духа — воодушевление, уверенность, уныние и т.п.), что в дальнейшем является необходимым условием перестройки социально значимого поведения.

В этом смысле общество напряжено (структурировано) силовыми линиями поля социума, куда всегда возвращаются общающиеся (чтобы продолжать функционирование в соответствующих институтах). Но одновременно само общество есть своеобразное поле, силовые линии и напряженности которого задаются текущим взаимодействием (общением) всех участников, которые «здесь и сейчас» сошлись на общественном подиуме.

Так вот, откуда мы знаем, каким будет ответ российского общества, когда оно проснется? Некоторые, однако, считают, что российское общество уже умерло или умирает, бессильное что-нибудь сделать, но ведь это всего лишь прогнозы и схемы, больше отражающие наши страхи, чем объективную реальность. Оживают регионы, возрождаются вера и культы, идет смена поколений, происходит перерождение элит, становятся невыносимыми лицемерие и правовой беспредел, все больше открыто обсуждается сложившаяся ситуация во всей ее неприглядности и катастрофичности, идут сложные процессы трансформации личности россиян. Разве это смерть? Нет, скорее, свидетельство пробуждения.

Кроме того, не считаем же мы сами себя мертвыми, а ведь, как уже отмечалось, мы делаем свой вклад в социальность. *Обновление жизни начинается не с другого человека или мира вне нас, а, прежде всего, с нас самих.* Поэтому «новый человек» (когда-то христианство выдвинуло задачу «переделать ветхого человека в нового» и решило ее; сегодня снова стоит задача становления нового человека) — это человек не просто конституирующий себя, т.е. не только личность, а человек, вставший на путь «духовной навигации», правильной жизни. Частным случаем ее является идея философского, религиозного или эзотерического спасения. Аристотель утверждал, что не стоит преуменьшать в обычной жизни значение высших начал, напротив, насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия и делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе.

В одной из последних работ — «Лекции о Прусте» — наш замечательный философ М.К. Мамардашвили писал, что жизнь не продолжается автоматически, ее возобновление в новых условиях (а у нас они таковы) предполагает работу мысли и поступков. Еще он утверждал, что жертва Христа — это не завершенное, а продолжающееся событие, требующее от нас осмысления и творчества. «... мы начинаем понимать, — пишет Мамардашвили, — что это мистическое ощущение есть, конечно, попытка человека вернуться и возобновить некое элементарное чувство жизни как чего-то, по определению, несделанного и незавершившегося... Так, мы считаем, что Христа распяли и его агония случилась. А

мистическое ощущение — это ощущение себя присутствующим во всем мире, во всех событиях мира; они случаются тогда, когда я присутствую. И поэтому распятие Христа принадлежит человеческой истории в той мере, в какой оно есть длящееся или неслучившееся событие, внутри которого мы не должны спать. Это событие длится вечно»¹⁰.

Я это понимаю так, что каждый из нас (и верующий, и неверующий, ведь все мы приобщены к иудео-христианской цивилизации) должен заново продумать и жертву Христа и христианство, включив все это в свою жизнь. Что же возвестил нам Христос? Он принес нам Весть, что можно жить иначе, не стяжая богатство и власть, не действуя по принципу «око за око», «зуб за зуб», а живя ради блага ближнего, следуя бескорыстной любви. Весть о том, что смерть человека — не цель и предел жизни. Цель жизни — духовная жизнь и Спасение.

Духовная навигация — это *наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается реально, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь. Это работа на благо общества и культуры, противостояние нежизненности, разрушительным тенденциям, культивирование правильной жизни. В рамках подобной практики человек является личностью, но не совсем обычной. Можно вспомнить и Хайдеггера, утверждавшего в статье «Вопрос о технике», что для того, чтобы человек снова стал свободным в отношении техники, он должен кардинально перемениться: «...опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного пространства»¹¹. Общая позиция здесь такая: человек действует не функционально, следуя своей социальной роли, а реализует свое видение действительности, которое он нащупывает, выстраивая свою жизнь, постигая мир. Он, как говорит А.А. Пузырей вслед за М. Хайдеггером и М. Мамардашвили, «устанавливается в месте, которое устанавливается ходом этого установления», при этом человек «рождается заново», «вторым рождением».*

Встав на путь духовной навигации, человек направляет все свои жизненные силы на изменение себя и обретение нового мира, в результате чего рано или поздно он может кардинально измениться. Родится ли он заново вторым рождением зависит от того, насколько глубоко эти изменения затронут его личность. Как показывают мои исследования, ядро личности задают представления, позиционирующие человека в обществе, задающие основные детерминанты его поведения и жизненного пути. Если движение по пути духовной навигации приводит к конституированию нового ядра, то рождается новая личность.

Но человек, конечно, не только личность, но и член социума, *социальный индивид* и в этом качестве он нуждается в поддержке общества, в трансцендентальных смыслах и деиндивидуальных источниках энергии. Все это новый человек, конечно, может найти готовым, идентифицировав себя с какими-то социальными образованиями (это один из вариантов возможной новой жизни), но более правильный путь — конституирование собственной социальной среды, создание собственных жизненных ресурсов. Например, без других новый человек не в состоянии выстроить нужное для себя сетевое сообщество, но он может выступить инициатором и активно участвовать в его формировании. Без других и общества в целом новый человек не может себя реализовать, но каким образом он входит в общество, как он организует общественную среду, какие отношения устанавливает с другими людьми, какие источники здесь находит и конституирует — все это зависит от него самого. Иначе говоря, подобно современной корпорации, новый человек должен стать менеджером самого себя, создать собственный мир и траекторию жизни, способствовать становлению новых форм общительности, но, и это принципиально, *с опорой на общие условия, на других и общество*. При этом, поскольку новый человек заинтересован в качестве и характере этих общих условий, он должен активно включаться в жизнь общества, в политическую жизнь, уметь влиять на других людей, достигать компромисса или консенсуса и т.д. и т.п.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Пархоменко И.Т., Радугин А.А.* Цивилизация // Культурология в вопросах и ответах. — М.: Центр, 2001 (<http://www.countries.ru/library/civilis/civp.htm>).

² <http://www.echo.msk.ru/programs/code/644066-echo/>.

³ *Пивоваров Ю.С.* Истоки и смысл русской революции // В поисках теории российской цивилизации: Памяти А.С. Ахиезера. — М., 2009. — С. 48.

⁴ *Неретина С.С.* Точки на зрении. — СПб., 2005. — С. 247, 258, 273.

⁵ См.: *Розин В.М.* Человек культурный. Введение в антропологию. — Москва; Воронеж, 2003.

⁶ «Пока еще, — пишет Питер Друкер, — мало кто пользуется одновременно 25 — 30 карточками; но число таких потребителей быстро увеличивается. С помощью кредитных карточек их владельцы могут получить кредит и поддерживать его на уровне, порой значительно превышающем их подлинную кредитоспособность. Их совершенно не волнует высокая процентная ставка, поскольку они вовсе не собираются возвращать полученную ссуду. Они манипулируют карточками, перемещая деньги с одного счета на другой, благодаря чему выплачивают лишь очень небольшие, подчас символические проценты...это действительно *новый вид денег*...Сегод-

ня нет страны, которая имела бы иммунитет от внезапных скачков валютного курса по той простой причине, что мир затоплен «виртуальными деньгами», то такими, которые не обеспечивают приемлемого сочетания прибыльности и ликвидности» (Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. — М; СПб.; Киев, 2002. — С. 47 — 48, 101).

⁷ Фуко М. Что такое просвещение? // Вопросы методологии. 1996. № 1 — 2. — С. 52.

⁸ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996. — С. 391.

⁹ Бенхабиб С. Притязания культуры. — М., 2003. — С. 17, 122, 220.

¹⁰ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте: (Психологическая топология пути). — М., 1995. — С. 302.

¹¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М., 1993.

Аннотация

В статье рассматривается понятие российской цивилизации. Обсуждаются стратегии и ценности (прогнозы, схемы, эмоции, ожидания), лежащие в основании суждений о будущем России. Намечается альтернативная стратегия, предполагающая сочетание собственной активности личности, веры в пробуждение российского общества, повышение культуры мышления.

Ключевые слова:

культура, цивилизация, конституирование, прогнозы, социальность, переходность, история, диалог, коммуникация, духовность.

Summary

In this article, the concept of Russian civilization is examined. Strategies and values (forecasts, schemes, emotions, expectations) that form the basis of opinion about Russia's future, are discussed. An alternative strategy implying a combination of a person's own activity, belief into awakening of Russian people, and advance of the thinking culture, is suggested.

Keywords:

culture, civilization, institutionalization, forecasts, socialness, transitivity, history, dialogue, communication, spirituality.